

ИСЛАМ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ
Ответственный за рубрику: Асатрян Г. С.
© Исламоведение. 2026. Т. 17, № 1 (67)

ISLAM IN THE CONTEMPORARY WORLD
Person in charge of the section: Asatryan G. S.
© Islamic Studies (Islamovedenie). 2026. Vol. 17,
no. 1 (67)

DOI: 10.21779/2077-8155-2026-17-1-7-18

УДК 32.019.51

Содержание статьи

Информация о статье

Г. И. Гаджимурадова¹
Д. А. Игнатьева²

Введение.
Истоки и масштаб миграционного кризиса.
Миграция и угроза терроризма.
Проблемы внутренней радикализации и «доморощенного» терроризма.
Социально-политические последствия и вопросы интеграции.
Заключение.

Поступила в редакцию: 09.02.2026
Передана на рецензию: 12.02.2026
Получена рецензия: 25.02.2026
Принята в номер: 25.03.2026

Угроза терроризма в свете сирийского кризиса и его влияние на миграционные процессы

МГИМО МИД России; g.gadzhimuradova@my.mgimo.ru, ignatevad96@gmail.com

Аннотация. Сирийский конфликт спровоцировал беспрецедентный миграционный кризис в Европе, обнаживший системные противоречия в политике Европейского союза. В статье дается анализ влияния военных действий в Сирии на формирование миграционных потоков и их взаимосвязь с террористическими угрозами, рассматриваются механизмы использования миграционных маршрутов экстремистскими организациями, а также процессы радикализации и трансформация европейской политики безопасности. По мнению авторов, миграционные потоки используются террористическими элементами для перемещения, что вынуждает страны ужесточать пограничный контроль и принимать меры по борьбе с проникновением экстремистов под видом беженцев. Авторы показывают сложность балансирования между гуманитарными обязательствами стран Европы и политикой национальной безопасности. Очевидно, что чем больше становится мусульман, которые не интегрированы в местное общество, тем выше потенциал конфликтности общества и тем более агрессивной становится деятельность радикальных исламистских группировок. Показано влияние дестабилизации, вызванной сирийским кризисом, на миграционную динамику в европейском пространстве, а также определены конкретные механизмы, через которые миграционное давление трансформируется в угрозы безопасности и дальнейшую радикализацию. На фоне сложной миграционной ситуации усиливается влияние популистских партий, которые выступают с антимиграционными лозунгами. Авторы рассматривают миграцию не как изолированный процесс, а как сложный триггер, обнаживший хрупкость Шенгенской системы и неэффективность Дублинского регламента в условиях гибридных угроз. Они показывают, что феномен «доморощенного» терроризма в контексте сирийского кризиса приобретает новые формы через цифровую пропаганду и использование миграционного хаоса.

Ключевые слова: сирийский кризис, миграция, терроризм, Европейский союз, радикализация, безопасность.

¹ Гаджимурадова Гюльнара Ильясбековна – зав. кафедрой демографической и миграционной политики МГИМО МИД России, к. филос. наук, доцент.

² Игнатьева Дарья Андреевна – магистрант МГИМО МИД России.

DOI: 10.21779/2077-8155-2026-17-1-7-18

UDC 32.019.51

Content of the article

Information about the article

*G. I. Gadzhimuradova*³

*D. A. Ignatyeva*⁴

Introduction.

Origins and scale of the migration crisis.

Migration and the threat of terrorism.

Problems of internal radicalization and "homegrown" terrorism.

Sociopolitical consequences and integration issues.

Conclusion.

Received: 09.02.2026

Submitted for review: 12.02.2026

Review received: 25.02.2026

Accepted for publication: 25.03.2026

The Threat of Terrorism in the Light of the Syrian Crisis and Its Impact on Migration Processes

Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia; g.gadzhimuradova@my.mgimo.ru, ignatevad96@gmail.com

Abstract. Exposing systemic contradictions in the policy of the European Union, the Syrian conflict has provoked an unprecedented migration crisis in Europe. The article analyzes the impact of the military actions in Syria on the formation of migration flows and their interrelation with terrorist threats, examines the mechanisms of using migration routes by extremist organizations, as well as the processes of radicalization and the transformation of European security policy. According to the authors, terrorists move with migration flows, which forces countries to tighten border control and take measures to combat the infiltration of extremists disguised as refugees. The authors demonstrate the difficulty of balancing the humanitarian obligations of European countries and national security policies. Obviously, the more Muslims are not integrated into local society, the higher the possibility of conflict therein and the more aggressive the activities of radical Islamist groups become. The study shows the impact of the destabilization caused by the Syrian crisis on the migration dynamics in the European space, as well as the identification of specific mechanisms through which migration pressure transforms into security threats and further radicalization. Against the background of the difficult migration situation, populist parties that speak out with anti-migration slogans are gaining significant influence. The authors consider migration not as an isolated process, but as a complex trigger that exposed the fragility of the Schengen system and the inefficiency of the Dublin Regulation in the face of hybrid threats. It is demonstrated that the phenomenon of "frozen" terrorism in the context of the Syrian crisis is taking on new forms through digital propaganda and taking advantage of migration chaos.

Keywords: Syrian crisis, migration, terrorism, European Union, radicalization, security.

Введение

Сирийский конфликт, начавшийся в 2011 году, спровоцировал крупнейший миграционный кризис в Европе со времён Второй мировой войны и одновременно актуализировал проблему транснационального терроризма. События 2015–2016 годов, когда в страны Европейского союза прибыло более миллиона беженцев и мигрантов, преимущественно из Сирии, кардинально изменили политический ландшафт континента и обострили вопросы национальной и региональной безопасности. Последствия этого кризиса продолжают и сегодня оказывать влияние на внутреннюю и внешнюю политику европейских государств, что свидетельствует об особой актуальности указанной

³ *Gyulnara I. Gadzhimuradova* – Cand. Sc. (Philosophy), associate professor, head of the Department of Demographic and Migration Policy at Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia;

⁴ *Daria A. Ignatyeva* – master's student at Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia.

проблемы, ставших причиной общественных дискуссий о миграции, интеграции и безопасности. Взаимосвязь между массовым притоком населения из зоны конфликта и эскалацией террористических угроз требует комплексного анализа, выходящего за рамки упрощённых политических нарративов. Поэтому целью настоящего исследования является анализ влияния сирийского кризиса на миграционные процессы в Европе, выявление механизмов взаимодействия между приемом беженцев и террористическими угрозами, освещение причинно-следственных связей между военным конфликтом в Сирии и трансформацией европейской миграционной политики. Осмыслению подвергаются и сложные отношения между различными категориями беженцев, процессами радикализации и террористической активностью на территориях стран ЕС.

Исправить данную проблему необходимо так, как возник острый диссонанс между традиционными гуманитарными ценностями Европы и проблемой национальной безопасности, которая была поставлена под удар неконтролируемым миграционным потоком. С одной стороны, европейские институты обязаны следовать международному праву в отношении беженцев, но, с другой, массовый приток населения из зоны сирийского конфликта стал катализатором системного кризиса солидарности внутри ЕС и актуализации угроз транснационального терроризма.

Основная идея сводится к тому, каким образом сирийский кризис трансформировал архитектуру безопасности Европы и насколько реально обоснована прямая корреляция между миграционными маршрутами и проникновением экстремистских элементов. Представляется крайне важным понять, являются ли террористические акты следствием внешнего воздействия или же они подпитываются процессами радикализации уже внутри самих европейских сообществ. Хроника развития сирийского конфликта показывает первопричины массового исхода населения в Европу, что позволяет проанализировать основные миграционные маршруты и выявить слабые места в системе пограничного контроля государств «первого прибытия». Изучение полярных стратегий европейских стран – от политики «открытых дверей» до жестких антимиграционных мер – позволило определить механизмы использования миграционного кризиса террористическими организациями. Актуальной остается оценка роли радикализации внутри европейских стран, как и проблема «возвращенцев», воевавших на стороне радикальных группировок.

Обозначенные проблемы нашли свое отражение в ряде исследований российских и зарубежных ученых, в которых вскрываются особенности миграционного кризиса, его тесная связь с событиями 2015–2016 гг. Так, по мнению Н. Арбатовой, в современной Европе интересы безопасности и традиционные ценности находятся в моральном конфликте друг с другом [1, с. 68]. Б. Долгов подчеркивает, что миграционный кризис в ЕС способствует резкому усилению позиций националистических и правых партий и движений, требующих пересмотра политики в отношении размещения беженцев, принятия более жестких законов, ограничивающих прием новых мигрантов и даже выхода их стран из ЕС [5, с. 99]. Иммиграция не является безусловным фактором, способствующим терроризму в европейских странах, но существует проблема радикализации иммигрантов в принимающих странах [16, с. 107]. Рост радикальных взглядов среди иммигрантов увязывается и с недостаточной интеграцией, социальным исключением и транснациональным влиянием экстремистских идеологий, что создает угрозу безопасности [4, с. 195].

Зарубежные ученые в своих исследованиях пытаются ответить на следующие вопросы: может ли миграция быть причиной терроризма, может ли терроризм влиять на отношение коренного населения к иммиграции и его электоральные предпочтения, может ли терроризм приводить к ужесточению миграционной политики, и как все это в свою очередь может стать эффективным инструментом борьбы с терроризмом [14, с. 977]. Они же в своих исследованиях затрагивают различные уровни секьюритизации

миграции среди государств – членов ЕС и неоднородное присутствие миграционных вопросов в стратегиях национальной безопасности и обороны, демонстрируя различные подходы к решению проблемы взаимосвязи миграции и безопасности внутри ЕС [13, с. 5]. Западные авторы сходятся во мнении, что миграционный кризис, с которым столкнулся ЕС в период с 2015 по 2017 год, уже разделил государства – члены ЕС и вызвал рост популистских и расистских дискурсов [15, с. 1223].

Истоки и масштаб миграционного кризиса

Сирийский конфликт, начавшийся в 2011 году, стал одним из наиболее значимых факторов, определявших миграционную ситуацию в Европе на протяжении последнего десятилетия. События в Сирии развивались стремительно и драматично. То, что начиналось как серия протестов в рамках так называемой «арабской весны», быстро переросло в полномасштабную гражданскую войну с участием множества внутренних и внешних акторов. Правительственные силы, оппозиционные группировки, курдские формирования, исламистские организации – все они превратили территорию страны в арену ожесточенного противостояния. Гуманитарная катастрофа нарастала с каждым месяцем: разрушение инфраструктуры, массовые жертвы среди гражданского населения, применение химического оружия (согласно докладам Совместного механизма расследования ООН и ОЗХО ответственность возлагалась как на правительственные силы, так и на боевиков ИГИЛ), целенаправленные удары по жилым кварталам и медицинским учреждениям. Можно предположить, что именно комплексный характер кризиса – сочетание военных действий, экономического коллапса и распада государственных институтов – создал условия для беспрецедентного исхода населения.

К 2015 году ситуация достигла критической точки. Соседние с Сирией страны – Турция, Ливан, Иордания – приняли на себя основной удар миграционного давления, разместив на своей территории миллионы беженцев. Лагерь беженцев в этих государствах превратились в постоянные поселения, где люди жили в тяжелейших условиях, без достаточного доступа к медицинской помощи, образованию, возможностям трудоустройства. Турция, по различным оценкам, приняла более 3,6 млн сирийских беженцев, что создало колоссальную нагрузку на социальную систему страны и вызвало серьезное внутривосточное напряжение. Ливан, государство с населением около

4 миллионов человек, принял более миллиона сирийцев, что изменило саму демографическую и этническую структуру страны и обострило существующие конфессиональные противоречия [8, с. 104].

Однако через некоторое время стало очевидно, что региональные страны не способны самостоятельно справиться с масштабами гуманитарной катастрофы. Ухудшение условий в лагерях, истощение ресурсов принимающих государств, отсутствие возможности возвращения на родину – все это подталкивало сирийских беженцев искать защиту за пределами ближневосточного региона. Европа с ее развитой системой социального обеспечения, стабильными политическими институтами и относительно либеральным миграционным законодательством естественным образом становилась целью для тех, кто потерял все в результате войны.

Миграционные маршруты формировались спонтанно, но при этом достаточно быстро обрели устойчивые очертания. Восточно-средиземноморский путь через Турцию и Грецию стал основной артерией, по которой сотни тысяч людей переправлялись в Европу. Эгейское море превратилось в зону постоянного риска: переполненные лодки, предоставленные контрабандистами, регулярно терпели крушения, унося жизни детей, женщин, стариков. Центральное-средиземноморский маршрут через Ливию и Италию также активизировался – по нему двигался более разнородный поток мигрантов из различных регионов Африки и Ближнего Востока. Балканский коридор – через

Македонию, Сербию, Венгрию – стал сухопутным продолжением морского пути, по которому беженцы стремились достичь благополучных стран Западной и Северной Европы, прежде всего Германии и Швеции [9, с. 43].

На 2015 год приходится пик миграционного кризиса. По различным данным, в этот период в Европу прибыло более миллиона человек, что создало невиданное со времен Второй мировой войны давление на европейские институты приема беженцев. Представляется, что европейские политики оказались не готовы к такому развитию событий. Дублинская система, предполагавшая, что беженец должен подавать заявление о предоставлении убежища в первой стране Европейского союза, куда он прибыл, продемонстрировала свою полную несостоятельность. Государства первого прибытия – Греция, Италия – физически не могли справиться с потоком прибывающих, регистрировать их, обеспечивать временное размещение и обработку заявлений [2, с. 8].

Реакция европейских государств на кризис оказалась крайне неоднородной и противоречивой. Германия под руководством бывшего канцлера Ангелы Меркель заняла позицию, которую можно охарактеризовать как гуманитарную открытость. Решение о приеме сотен тысяч сирийских беженцев, знаменитое «Wir schaffen das» («Мы справимся»), стало символом определенного подхода к миграционному кризису. Вероятно, за этим решением стояли не только гуманитарные соображения, но и прагматические расчеты: демографические проблемы Германии, старение населения, потребности рынка труда. Швеция также проводила относительно либеральную политику, принимая значительное число беженцев в пересчете на душу населения [6, с. 248].

Однако такой подход встретил сопротивление со стороны других членов Европейского союза. Страны Вишеградской группы – Польша, Венгрия, Чехия, Словакия – категорически отказались участвовать в программе распределения беженцев по квотам, утверждая, что это противоречит их национальным интересам и суверенитету. Венгрия под руководством Виктора Орбана пошла дальше, начав строительство заграждений на границе и проводя жесткую антимиграционную риторику. Это противостояние обнажило глубокие разногласия внутри Европейского союза относительно фундаментальных ценностей и принципов солидарности.

Попытки выработать единую европейскую стратегию столкнулись с множеством препятствий. Механизм перераспределения беженцев, принятый на уровне ЕС, работал крайне неэффективно: из запланированных к распределению 160 тысяч человек реально было переселено лишь незначительное количество. Страны попросту игнорировали взятые на себя обязательства, ссылаясь на внутривнутриполитические причины, соображения безопасности, опасения социальной дестабилизации. Европейская комиссия пыталась применять штрафные санкции к нарушителям, но это лишь усугубляло напряженность и не приводило к реальным результатам [2, с. 10].

Социально-экономические последствия массового притока мигрантов оказались многогранными и неоднозначными. С одной стороны, интеграция беженцев требовала значительных финансовых ресурсов: языковые курсы, профессиональная переподготовка, социальная поддержка, жилищное обеспечение. Муниципалитеты, на которые ложилась основная нагрузка по размещению и первичной адаптации прибывающих, сталкивались с нехваткой средств и инфраструктуры. В некоторых регионах возникали локальные конфликты между местным населением и беженцами, связанные с конкуренцией за социальное жилье, рабочие места, доступ к услугам здравоохранения.

Шенгенская зона, один из главных символов европейской интеграции, оказалась под угрозой. Несколько стран, включая Германию, Австрию, Данию и Швецию, временно ввели пограничный контроль, что противоречило самой идее свободного передвижения внутри ЕС. Хотя эти меры и представлялись как временные и

вынужденные, они создали опасный прецедент и продемонстрировали хрупкость европейских интеграционных достижений.

Турция заняла ключевую позицию в управлении миграционными потоками. Соглашение между ЕС и Турцией, заключенное в марте 2016 года, предусматривало возвращение в Турцию всех нелегальных мигрантов, прибывающих в Грецию, в обмен на финансовую помощь, визовую либерализацию и возобновление переговоров о вступлении Турции в ЕС. Это соглашение при всей его противоречивости с точки зрения международного права и прав человека, действительно привело к существенному сокращению числа прибывающих по восточно-средиземноморскому маршруту. Однако оно же превратило Турцию в своеобразного «привратника» Европы, что давало Анкаре значительные рычаги давления на европейских партнеров [7, с. 29].

Попытки реформировать Дублинскую систему и выработать новый пакт о миграции и убежище продолжались на протяжении всех последующих лет, но консенсуса достичь не удавалось. Дублинский регламент, направленный на упрощение процедур предоставления убежища, породил еще больше трений, возложив большую часть ответственности на приграничные государства – Грецию и Италию [18, с. 486]. Фундаментальные противоречия между странами, выступающими за принцип солидарности и справедливого распределения ответственности, и теми, кто отстаивал приоритет национального суверенитета в вопросах миграции, оказались слишком глубокими. Сирийский кризис безвозвратно изменил европейский миграционный ландшафт, обнажив глубокие противоречия внутри Европейского союза и заставив пересмотреть базовые принципы миграционной политики.

Миграция и угроза терроризма

Миграционный кризис 2015–2016 годов привел к росту террористической активности, обнажив сложную и многослойную систему угроз европейской безопасности. Связь между массовым притоком беженцев и террористическими актами в Европе стала предметом интенсивных дискуссий, политических спекуляций и серьёзных исследований. Ученые обращали внимание на взаимосвязь миграции и безопасности в Европе и на то, как два явления (миграция и терроризм) оказались неразрывно связаны друг с другом [17, с. 25]. Важно отметить, что эта связь не является прямолинейной или однозначной, хотя общественное восприятие часто упрощало её до примитивных схем. События в Париже в ноябре 2015 года, когда координированные террористические атаки унесли жизни 130 человек, стали поворотным моментом. Выяснилось, что некоторые террористы действительно прибыли в Европу по миграционным маршрутам под видом беженцев, используя поддельные сирийские документы. Это открытие произвело эффект разорвавшейся бомбы в европейском обществе и политических кругах.

Представляется, что террористические организации, прежде всего «Исламское государство»⁵, сознательно использовали миграционный хаос для проникновения своих боевиков в Европу. На восточно-средиземноморском маршруте, по которому ежедневно прибывали тысячи людей, были идеальные условия для инфильтрации боевиков. Греческие власти, перегруженные идентификацией и приемом прибывающих, физически не могли проводить тщательную проверку каждого человека. Документы легко подделывались, биографии придумывались, реальная идентичность скрывалась. Хаотичность процесса, отсутствие единой европейской базы данных, несогласованность действий между национальными службами безопасности – все это играло на руку тем, кто стремился использовать миграционные потоки в преступных целях.

⁵ Запрещённая в РФ террористическая организация.

Проблемы внутренней радикализации и «доморощенного» терроризма

И все же было бы ошибкой считать, что основная террористическая угроза исходила непосредственно от прибывающих беженцев. Анализ террористических актов, совершённых в Европе в период с 2015 по 2020 год, показывает, что картина была более сложной. Значительная часть террористов оказалась гражданами европейских стран, зачастую родившимися и выросшими в Европе. Это были так называемые «доморощенные» террористы – люди, прошедшие радикализацию, находясь на территории Европы. Атаки в Брюсселе в 2016 году, нападения в Ницце, Берлине, Барселоне – во многих из этих случаев исполнителями были не недавно прибывшие мигранты, а люди, долгое время жившие в Европе.

Процесс радикализации требует отдельного рассмотрения. Можно предположить, что определённые условия способствуют восприимчивости к экстремистской идеологии: социальная изоляция, экономическая маргинализация, дискриминация, кризис идентичности. Молодые люди из семей с миграционным фоном, застрявшие между двумя культурами, не принадлежащие полностью ни к одной из них, оказывались особенно уязвимыми. Они чувствовали себя чужими и в стране происхождения родителей, которую плохо знали, и в европейском обществе, которое часто воспринимало их как «других». Террористическая пропаганда умело эксплуатировала эти чувства, предлагая нарратив принадлежности к правильной религии – исламу, борьбы против несправедливости, героического противостояния европейцам с их неправильными ценностями и образом жизни.

Интернет и социальные сети превратились в главные инструменты радикализации. «Исламское государство»⁶ создало изощрённую систему онлайн-пропаганды, распространяя свои материалы на множестве языков, адаптируя послания для разных аудиторий, используя профессиональные методы медиапроизводства. Молодой человек мог пройти путь от любопытства к экстремистскому контенту до готовности совершить теракт, не выходя из своей комнаты. Европейские службы безопасности столкнулись с новым типом угрозы, которую чрезвычайно сложно отслеживать и предотвращать.

Лагерь беженцев и временные центры размещения также становились местами, где происходила радикализация. Скуденность проживания, отсутствие перспектив, фрустрация, травматический опыт войны – все это создавало питательную среду для экстремистской идеологии. В некоторых лагерях формировались группы радикалов, которые пытались вербовать новых сторонников, распространяли пропагандистские материалы, устанавливали свои незаконные правила. Вероятно, европейские власти недооценили эту угрозу на начальном этапе, сосредоточившись на логистических проблемах размещения и обеспечения базовых потребностей беженцев и упустив из виду идеологическое измерение.

Проблема «возвращенцев» – европейских граждан, уехавших воевать на стороне «Исламского государства»⁷ в Сирии и Ираке, – ещё более усложнила. Когда «халифат» начал терпеть поражение, встал вопрос о судьбе тысяч иностранных боевиков и членов их семей. Должны ли европейские страны принимать их обратно? Как судить их? Как обращаться с детьми, рождёнными в зоне конфликта? Простых ответов на эти вопросы не существует. Некоторые государства пытались лишить таких людей гражданства, другие неохотно соглашались на репатриацию, третьи попросту игнорировали проблему. Курдские силы в Сирии содержали в своих лагерях тысячи иностранцев, связанных с ИГИЛ⁸, и постоянно требовали от европейских стран забрать своих граждан.

⁶ Запрещённая в РФ террористическая организация.

⁷ Запрещённая в РФ террористическая организация.

⁸ Запрещённая в РФ террористическая организация.

Методы противодействия террористической угрозе эволюционировали, но возникало множество препятствий. Европейские службы безопасности усилили международное сотрудничество, создали специализированные подразделения для мониторинга онлайн-активности, расширили полномочия по контролю и задержанию подозреваемых. Однако это привело к противоречиям между требованиями безопасности и защитой гражданских свобод. Массовая слежка, сегрегация по этническому и религиозному признаку, превентивные задержания – все эти меры вызывали протесты правозащитных организаций и части гражданского общества.

Социально-политические последствия и вопросы интеграции

Политические последствия миграционного кризиса и террористических угроз оказались чрезвычайно значимыми. Правопопулистские партии активно использовали каждый теракт для оправдания своей антимиграционной риторики, утверждая, что существует прямая причинно-следственная связь между приёмом беженцев и угрозой безопасности. Этот нарратив находил отклик у значительной части населения, напуганного серией атак и обеспокоенного изменением культурного ландшафта своих стран. Опросы общественного мнения, проведенные *Pew Research Center*⁹ среди жителей стран ЕС в 2016 году на пике «кризиса беженцев», показали рост настороженности по отношению к мусульманам вообще и мигрантам в частности. Исламофобия усиливалась, случаи дискриминации и проявления ненависти становились более частыми.

Однако из-за такой политизации проблемы возник опасный порочный круг. Антимусульманская риторика и дискриминационная политика усиливали чувство отчуждения у мусульманских общин, что в свою очередь повышало риск радикализации. Террористическая пропаганда использовала примеры исламофобии и дискриминации для подтверждения своего нарратива о войне Запада против ислама. Таким образом, жёсткая реакция на террористическую угрозу могла парадоксальным образом способствовать её воспроизводству [10, с. 145].

Различные европейские страны выбирали разные стратегии балансирования между гуманитарными обязательствами и соображениями безопасности. Франция, пережившая несколько крупных терактов, существенно ужесточила миграционную политику и законодательство о чрезвычайном положении, расширила полномочия силовых структур. Германия, несмотря на критику, продолжала настаивать на необходимости разделения понятий «беженец» и «террорист», хотя и усилила меры безопасности. Скандинавские страны столкнулись с необходимостью пересмотра своих традиционно либеральных подходов к миграции под давлением общества [3, с. 140].

Проблема интеграции стала восприниматься как ключевой элемент стратегии противодействия терроризму. Возможно, успешная интеграция мигрантов в европейское общество, их экономическая включённость, социальная мобильность, чувство принадлежности – все это могло бы снизить риски радикализации. Однако практическая реализация интеграционных программ столкнулась с множеством трудностей: недостаточным финансированием, отсутствием политической воли, сопротивлением как части принимающего общества, так и части самих мигрантских сообществ, культурными и языковыми барьерами [11, с. 7].

Дебаты о взаимосвязи миграции и терроризма продолжались, их участники становились все более нетерпимыми и эмоциональными. Одни настаивали на том, что массовая миграция неизбежно несёт с собой террористическую угрозу и требует жёстких ограничений. Другие утверждали, что подавляющее большинство беженцев сами являются жертвами терроризма и не должны нести ответственность за действия

⁹ <https://www.pewresearch.org/global/2016/07/11/europeans-fear-wave-of-refugees-will-mean-more-terrorism-fewer-jobs/>

радикальных группировок [12, с. 502]. Истина, как это часто бывает, должна быть где-то посередине, но нюансированный анализ плохо вписывался в упрощённую логику политической борьбы. Европейская безопасность оказалась перед необходимостью выработки комплексного подхода, сочетающего эффективные меры противодействия терроризму с уважением к правам человека и международным гуманитарным обязательствам.

Заключение

Таким образом, в нашем исследовании мы установили аналитические рамки для изучения корреляции между сирийским миграционным кризисом и трансформацией угроз безопасности в Европе. Это позволило: верифицировать причинно-следственные связи между военными действиями в САР и динамикой перемещения населения; классифицировать ключевые маршруты проникновения экстремистских элементов; оценить эффективность нормативных инструментов ЕС (Дублинский регламент, Шенгенское законодательство) в условиях кризиса; выявить индикаторы радикализации внутри маргинализированных сообществ. Все это опирается на концепцию секьюритизации миграции и сетевого терроризма, что согласуется с фундаментальными документами ЕС: «Глобальной стратегией внешней политики и политики безопасности ЕС» и «Новым пактом о миграции и убежище». Представляется, что именно сочетание гуманитарного права и политики национальной безопасности задает институциональные условия анализа.

С другой стороны, возможно, не следует рассматривать миграцию исключительно через призму угроз и вызовов. Сирийские беженцы – это не только уязвимые люди, нуждающиеся в защите, но и потенциал: среди них есть врачи, инженеры, предприниматели, квалифицированные специалисты. При создании соответствующих условий для интеграции они могли бы внести значимый вклад в экономику принимающих стран. Германский опыт показал, что при системном подходе к интеграции, инвестициях в образование и профессиональную подготовку можно достичь хороших результатов.

Политические последствия миграционного кризиса оказались еще более значительными, чем экономические. Тема миграции стала центральной в общественно-политическом дискурсе большинства европейских стран. Правопопулистские и националистические партии использовали страхи населения, связанные с культурной идентичностью, безопасностью, изменением привычного образа жизни. «Альтернатива для Германии», «Национальное объединение» во Франции, «Партия свободы» в Нидерландах, «Лига» в Италии – все эти политические силы значительно усилили свои позиции, эксплуатируя антимиграционные настроения. Это демонстрирует, что сирийский кризис стал катализатором масштабных миграционных процессов, которые обнажили глубокие противоречия внутри Европейского союза относительно принципов солидарности, распределения ответственности и управления миграцией. Несостоятельность Дублинской системы, разногласия между государствами-членами, усиление правопопулистских настроений свидетельствуют о системном кризисе европейской миграционной политики.

Взаимосвязь между миграционным кризисом и террористическими угрозами оказалась более сложной и неоднозначной, чем представляется в упрощённых политических дискурсах. Хотя террористические организации действительно использовали миграционные маршруты для проникновения в Европу, основная угроза исходила от процессов радикализации, происходящих внутри европейских обществ среди маргинализированных групп населения. Европейские государства столкнулись с необходимостью балансирования между гуманитарными обязательствами по защите беженцев и политикой национальной безопасности, что потребовало пересмотра

существующих подходов к миграционной политике и противодействию терроризму. Вероятно, последствия сирийского кризиса будут ощущаться в Европе ещё долгие годы, определяя политические дебаты, социальные процессы и стратегии безопасности. Европейским политикам и обществу в целом необходим комплексный подход, сочетающий эффективный контроль миграции, успешную интеграцию и адресные меры противодействия радикализации.

Литература

1. Арбатова, Н. Миграционная угроза безопасности ЕС: предрассудки и реальности / Н. Арбатова // *Мировая экономика и международные отношения*. 2022. Т. 66, № 2. – С. 61–70.
2. Гаджимурадова, Г. И. Европейский союз и проблема сирийской миграции: кризис солидарности, пределы Шенгена и реформы Дублинского регламента / Г. И. Гаджимурадова, А. О. Ткачев // *Исламоведение*. 2024. Т. 15, № 4 (62). – С. 5–15.
3. Гаджимурадова, Г. И. Опыт миграционной политики некоторых стран Северной Европы и возможность его применения в России (по результатам качественного исследования в лагере беженцев в Финляндии) / Г. И. Гаджимурадова // *Власть*. 2018. Т. 26, № 4. – С. 139–142.
4. Гаджимурадова, Г. И. Формирование мусульманских сообществ в Европе и возникновение религиозного экстремизма в условиях неконтролируемой миграции / Г. И. Гаджимурадова // *Власть*. 2016. Т. 24, № 10. – С. 194–197.
5. Долгов, Б. Миграционный кризис в Европе и радикальный исламизм / Б. Долгов // *Россия и мусульманский мир*. 2017. № 4 (298). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/migratsionnyy-krizis-v-evrope-i-radikalnyy-islamizm-1>
6. Дубинин, А. И. [и др.]. Влияние миграционного кризиса 2015 года на внутреннюю политику Европейского союза / А. И. Дубинин [и др.] // *Via in tempore. История. Политология*. 2025. Т. 52, № 1. – С. 245–257.
7. Маркелов, Д. М. Европейский миграционный кризис 2014–2015 гг. и его причины / Д. М. Маркелов // *Журнал прикладных исследований*. 2024. № 8. – С. 28–34.
8. Меляева, С. А. Проблема миграции на Ближнем Востоке и её воздействие на отдельные страны региона / С. А. Меляева, П. Е. Замотина // *Этносоциум и межнациональная культура*. 2024. Т. 190, № 4. – С. 102–108.
9. Топорикова, Я. М. Особенности политики ЕС по содействию развитию / Я. М. Топорикова // *Научно-аналитический вестник Института Европы РАН*. 2024. № 4. – С. 41–57.
10. Шарафутдинов, Д. Р. Проблемы единства Европейского Союза / Д. Р. Шарафутдинов, Б. Х. Алимов // *Вестник Таджикского государственного университета права, бизнеса и политики. Серия общественных наук*. 2023. Т. 94, № 1. – С. 141–152.
11. Шумилов, М. М. Миграционный кризис как нарастающая угроза европейской безопасности (2015–2023) / М. М. Шумилов, О. И. Шмидт // *Управленческое консультирование*. 2023. № 8. – С. 9–23.
12. Baroud, Saeed. Humanitarian Aid and Geopolitical Conflict: The Migration Realities in the Syrian Case / Saeed Baroud, Emrah Atar // *Handbook of Migration, International Relations and Security in Asia*. – Singapore: Springer Nature Singapore, 2025. – Pp. 1–27.
13. Estevens, J. Migration Crisis in the EU: Developing a Framework for Analysis of National Security and Defence Strategies / J. Estevens // *Comparative Migration Studies*. 2018. Vol. 6, no. 1. – P. 28.
14. Helbling, M. Terrorism and Migration: An Overview / M. Helbling, D. Meierrieks // *British Journal of Political Science*. 2022. Vol. 52, no. 2. – Pp. 977–996.

15. Kabata, M. The 'Migrant Other' as a Security Threat: The 'Migration Crisis' and the Securitising Move of the Polish Ruling Party in Response to the EU Relocation Scheme / M. Kabata, A. Jacobs // *Journal of Contemporary European Studies*. 2023. Vol. 31, no. 4. – Pp. 1223–1239.
16. Novikova, O. Migration and Terrorism: Dynamic Interaction / O. Novikova // *Russia and the Moslem World*. 2022. no. 4 (318). – Pp. 106–124.
17. Sinha, Shreya. Migration and Terrorism in Europe: A Nexus of Two Crises / Shreya Sinha // *International Journal on Responsibility*. 2023. Vol. 5, no. 1. – P. 7.
18. Yaseen, Mehreen [et al.]. The Political Dynamics of Refugee Migration in Europe: Analyzing the Impact of Nationalism, EU Solidarity, and the Dublin Regulation Post-2015 Migrant Crisis / Mehreen Yaseen [et al.] // *The Critical Review of Social Sciences Studies*. 2025. Vol. 3, no. 1. – Pp. 486–510.

References

1. Arbatova, Nadezhda K. The Migration Threat to EU Security: Prejudices and Realities. *World Economy and International Relations* 66, no. 2 (2022): 61-70. (In Russian)
2. Gadzhimuradova, Gyulnara. I. The European Union and the Problem of Syrian Migration: Crisis of Solidarity, Schengen Areas, and Reforms of the Dublin Regulation. *Islamovedenie [Islamic Studies]* 15, no. 4 (2024): 5-15. (In Russian)
3. Gadzhimuradova, Gyulnara. I. The experience of migration policy in some Northern European countries and the possibility of its application in Russia (based on the results of a qualitative study in a refugee camp in Finland). *Vlast [Power]* 26, no. 4 (2018): 139–142. (In Russian)
4. Gadzhimuradova, Gyulnara. I. The Formation of Muslim Communities in Europe and the Emergence of Religious Extremism in the Context of Uncontrolled Migration. *Vlast [Power]* 24, no. 10 (2016): 194-197. (In Russian)
5. Dolgov, Boris V. The European Migration Crisis and Radical Islamism. *Russia and the Muslim world* 298, no. 4 (2017). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/migratsionnyy-krizis-v-evrope-i-radikalnyy-islamizm-1> (In Russian)
6. Dubinin, Aleksander I., et al. The Impact of the 2015 Migration Crisis on the European Union's Internal Politics. *Via in tempore. History. Political science* 52, no. 1 (2025): 245–257. (In Russian)
7. Markelov, Dmitriy M. The European Migration Crisis of 2014–2015 and Its Causes. *Journal of Applied Research*, no. 8 (2024): 28-34. (In Russian)
8. Melyaeva, S. A., and Zamotina P. E. The problem of migration in the Middle East and its impact on individual countries of the region. *Ethnosociety and Interethnic Culture* 190, no. 4 (2024): 102-108. (In Russian)
9. Toporikova, Yana M. Features of EU Development Assistance Policy. *Scientific and Analytical Bulletin of the Institute of Europe of the Russian Academy of Sciences*, no. 4 (2024): 41-57. (In Russian)
10. Sharafutdinov, Denis R., and Alimov Boturjon Kh. Problems of the European Union's Unity. *Bulletin of the Tajik State University of Law, Business, and Politics. Social Sciences Series* 94, no. 1 (2023): pp. 141-152. (In Russian)
11. Shumilov, Mikhail M., Olga I. Shmidt. The Migration Crisis as a Growing Threat to European Security (2015–2023). *Management Consulting*, no. 8 (2023): 9-23. (In Russian)
12. Baroud, Saeed, and Emrah Atar. "Humanitarian Aid and Geopolitical Conflict: The Migration Realities in the Syrian Case." In: *Handbook of Migration, International Relations and Security in Asia*, 1–27. Singapore: Springer Nature Singapore, 2025.
13. Stevens, J. "Migration crisis in the EU: developing a framework for analysis of national security and defence strategies." *Comparative Migration Studies* 6, no. 1 (2018): p. 28.

14. Helbling, M., and D. Meierrieks. "Terrorism and Migration: An Overview." *British Journal of Political Science* 52, no. 2 (2022): 977–996.
15. Kabata, M., and A. Jacobs. "The 'migrant other' as a security threat: the 'migration crisis' and the securitising move of the Polish ruling party in response to the EU relocation scheme." *Journal of Contemporary European Studies* 31, no. 4 (2023): 1223–1239.
16. Novikova, Olga "Migration and Terrorism: Dynamic Interaction." *Russia and the Moslem World* no. 4 (318) (2022): 106–124.
17. Sinha, Shreya. "Migration and Terrorism in Europe: A Nexus of Two Crises." *International Journal on Responsibility* 5, no. 1 (2023): p. 7.
18. Yaseen, Mehreen, et al. "The Political Dynamics of Refugee Migration in Europe: Analyzing the Impact of Nationalism, EU Solidarity, and the Dublin Regulation Post-2015 Migrant Crisis." *The Critical Review of Social Sciences Studies* 3, no. 1 (2025): 486–510.